

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Березович Е. Л. Кесарини : новые данные о русских народных названиях ряженых / Е. Л. Березович, В. С. Кучко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 9—31. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-9-31.

Berezovich, E. L., Kuchko, V. S. (2025). Kesariny: New Data on Russian Folk Names for Masqueraders. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 9-31. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-9-31. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Кесарини: новые данные
о русских народных
названиях ряженых****Березович Елена Львовна** ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1688-2808

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,¹ заведующий кафедрой русского языка,
общего языкоznания и речевой коммуникации;² ведущий научный сотрудник Центра
историко-лингвистических исследований,*корреспондирующий автор*

berezovich@yandex.ru

Кучко Валерия Станиславовна ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7139-5738

кандидат филологических наук,

¹ доцент кафедры русского языка, общего
языкоznания и речевой коммуникации;² старший научный сотрудник Центра
историко-лингвистических исследований

kuchko@inbox.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)² Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)**Благодарности:**

Авторы выражают сердечную благодарность
С. М. Толстой, И. А. Седаковой, А. А. Ивановой,
А. А. Плотниковой за консультации
при подготовке статьи.

**Kesariny: New Data
on Russian Folk Names
for Masqueraders****Elena L. Berezovich** ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-1688-2808

Doctor of Philology, Professor, Member
of the Russian Academy of Sciences,¹ Head of the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication;² Leading Researcher, Center

for Historical and Linguistic Studies,

corresponding author

berezovich@yandex.ru

Valeria S. Kuchko ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-7139-5738

PhD in Philology, Associate Professor,

¹ Department of Russian Language,

General Linguistics and

Verbal Communication;

² Senior Researcher, Center

for Historical and Linguistic Studies

kuchko@inbox.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)² Institute of History and Archeology of the Ural
Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)**Acknowledgments:**

The authors express their heartfelt gratitude
to S. M. Tolstoy, I. A. Sedakova, A. A. Ivanova,
A. A. Plotnikova for their consultations
during the preparation of the article.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья вводит в научный оборот прежде не фиксировавшийся в источниках термин святочного ряженья *кесарыны*, записанный Топонимической экспедицией Уральского университета в Чухломском районе Костромской области в ходе полевого сезона 2025 года. Сообщается, что слово бытует в узком ареале на вологодско-костромском пограничье и обозначает в первую очередь святочных ряженых, а кроме того, участников святочных ритуальных бесчинств, ряженых на свадьбе и персонажей, которыми пугают детей. Авторы обосновывают его производность от хрононима (*Vasiliy*) *Кесарийский* — названия дня памяти св. Василия Кесарийского 1/14 января. Для доказательства этой версии, во-первых, демонстрируется значительная роль этого дня в народном календаре, вследствие чего соответствующий хрононим и отхрономические дериваты широко представлены в обрядовой лексике и в фольклоре. Во-вторых, показано существование темпоральной модели в номинации святочных ряженых. В-третьих, обнаруживаются костромские названия персонажей низшей демонологии, образованные от хрононима *Vasiliy Kесарийский*, и прочерчиваются смысловые связи между обозначениями ряженых и нечистой силы. Наконец, это решение обосновывается и с точки зрения формы: подчеркивается, что производящая основа *кесарин-* весьма популярна в диалектных деэтимологизированных вариантах агионима, хрононима и отхрононимических дериватах.

Ключевые слова:

этнолингвистика; русские народные говоры; костромские говоры; Топонимическая экспедиция УрФУ; русская традиционная культура; хрононимы; термины ряжения; *кесарыны*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article introduces into scholarly circulation the previously unrecorded term *kesariny* ‘yuletide maskers’, documented by the Toponymic Expedition of Ural Federal University in Chukhloma District, Kostroma Oblast during its field season in 2025. The word is found in a narrow area on the Vologda-Kostroma borderland and means primarily ‘yuletide maskers’, but also ‘participants in yuletide ritual outrages’, ‘maskers at a wedding’ and ‘characters who frighten children’. The authors argue that this term derives from the chrononym (*Vasily*) *Kesariyskiy* — the name given to January 1st/14th commemorating St. Basil of Caesarea. To substantiate their hypothesis, they first demonstrate the significance of this day within Russian folk calendar, leading to widespread representation of related chrononyms and derived forms in ritual vocabulary and folklore. Secondly, they identify a temporal model underlying the naming practices of Svyatki (Christmas) masquerades (yuletide maskers). Thirdly, Kostroma-based names for low-level demonological figures formed from the same chrononym are revealed, drawing semantic parallels between terms for masked performers and evil spirits. Finally, formal evidence supports this etymology: it is noted that the base form *kesarin-* appears frequently in de-etymologized regional variants of both saints' names and associated chrononyms.

Key words:

ethno-linguistics; Russian dialects; Kostroma dialects; Toponymic Expedition expedition of the Ural Federal University; traditional Russian culture; chrononyms; masking terminology; *kesariny*.

УДК 31:39+811.161.1'373.612

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-9-31

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Кесарины: новые данные о русских народных названиях ряженых

© Березович Е. Л., Кучко В. С., 2025

1. Введение = Introduction

Как это, к счастью, нередко бывает, героя этой статьи мы нашли во время полевой работы. Летом 2025 года сотрудники Топонимической экспедиции Уральского университета, в числе которых — авторы статьи, были в северной части Костромской области — в Чухломском районе. В первый же день работы экспедиции мы записали название **святочных ряженых**, которое прежде, кажется, не рассматривалось в научной литературе и не попадало в лексикографические источники: **кесарины**. В дальнейшем мы постоянно задавали вопросы об этом слове не только в Чухломском районе, но и в соседних Антроповском и Кологривском районах. Выяснилось, что оно хорошо подтверждается лишь в узком ареале — на самом северо-востоке Чухломского района. Сразу возникла версия о существовании генетической связи этого термина ряженья с именем **святого Василия Кесарийского**, точнее, с соответствующим **хрононимом**, называющим день памяти этого святого 1/14 января (в современной традиции — Старый Новый год). Поначалу это была сугубо «ученая» догадка: никакие связи с агионимом или хрононимом в современном языковом сознании информантов не просматривались, причем с обоими компонентами — не только со словом **Кесарийский**, воспринимающимся как экзотическое, но и с производными **Василия** (в том числе **Васильев вечер** и пр.). Отсюда особенности в постановке задачи этого исследования: речь идет не об этимологии лексической единицы в «узком» смысле (производящая основа уже найдена), а об **интерпретации в духе Wörter und Sachen**, доказательстве возможностей появления слова в костромской деревне, характеристике породившего его историко-культурного контекста, обнаружении для него параллелей этнолингвистического характера.

Для решения этой задачи следует обратиться к двум сопоставительным рядам, в которых функционирует изучаемое слово. Первый — русские (славянские) **наименования ряженых**. Вопросы народной терминологии ряженья прежде поднимались в отечественных исследованиях традици-

онной культуры. Так, в монографии Л. М. Ивлевой, ставшей уже классической, отдельная глава посвящена диалектным названиям ряженых, при этом автор выделяет реализованные в них основные номинативные модели [Ивлева, 1994, с. 39—77]. В ономасиологическом ключе выполнена и работа А. В. Черных и И. И. Русиновой, насыщенная богатым полевым материалом по локальной традиции Пермского края [Черных и др., 2023]. О различиях в локальных наименованиях ряженых как об одном из критериев выделения территориальных культурно-этнографических зон писал И. А. Морозов (на примере Вологодского края) [Морозов, 2015]. В статье Л. Н. Виноградовой русская лексика ряженья рассматривается в контексте иных восточнославянских традиций, а также западнославянской традиции на инославянском фоне [Виноградова, 2008].

Собственно костромские термины ряженья и описание конкретных обрядовых действий, совершаемых во время обхода ряженых, также уже попадали в фокус внимания исследователей, ср., к примеру, следующие наблюдения И. А. Морозова и И. С. Слепцовой: «Для Костромской области в целом не характерно то разнообразие типов ряженья, которое существует в соседних Вологодской, Нижегородской и Пермской областях. Наиболее распространенные наименования ряженых в Костромском крае: “наряжонки”, “наряженые”, “наряжатые”, “снаряжонки”. Реже встречаются “кулешменцы” (Павинский, Вохомский, Октябрьский р-ны), “скоморошки” (Солигаличский р-н)» [Логика трансформаций ..., 2019, с. 481].

Изучая наименования ряженых, нам следует найти примеры реализации **temporальной** модели номинации, связывающей действия персонажей с определенной календарной датой. Это подкрепит гипотезу об отхрононимической природе слова *кесарина*.

Во второй сопоставительный ряд необходимо включить лексические единицы (а также знаки иных, нежели языковая система, субстанциональных кодов символического языка культуры), которые связаны с изучаемым **хрононимом и стоящей за ним календарной датой**, а также **агионимом и соответствующим образом святого**. Обобщющая энциклопедическая статья (небольшая, но емкая) о святом Василии и его дне у славян представлена в словаре «Славянские древности» [Толстая, 1995, с. 291—292]; многочисленные сведения есть и в других исследованиях этнографической и фольклорной направленности, которые будут привлекаться к анализу в нашей работе

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как уже говорилось, семантико-словообразовательное гнездо с опорным словом *кесарин* имеет узкую географию: оно уверенно фиксиру-

ется на северо-востоке Чухломского района, а именно в речи жителей четырех населенных пунктов (дд. Панкратово, Федьково, Власьево, Головино), относящихся к одному кусту деревень, который находится на границе с Вологодской областью (с севера) и с Кологривским районом Костромской области (с востока). Эти деревни на памяти информантов принадлежали Панкратовскому сельскому совету (ныне включен в Судайское сельское поселение), а ранее — Турдиевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Единичные фиксации получены от информантки из д. Рагозино (около 17 км западнее эпицентра записей) и немного южнее — от информантки из б. д. Турдиево (зона за северным берегом Чухломского озера). Далее в статье данные, извлеченные из лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ, будут подаваться без паспортизации с указанием мест записи: для Чухломского района будет указан населенный пункт, для остальных мест — район и населенный пункт¹. Представим семантический спектр слова, выделяя не только значения, но и их оттенки.

Самое частотное значение — ‘ряженый на Святках’: «Про тех, кто наряжался на святки, говорили, что они кесарины. Кто-то скажет, что ряженый ходит, а кто-то — кесарин» (Панкратово); «На Рождество ходили ряженые, кесарины. Это раньше. И взрослые ходили. А сейчас детки ходят ряженые, кесарины раньше называли. Ну, дают конфеты, денежки. Их всех гурьбой называли кесарины. “Вон к нам кесарины идут!” Статушки, старики в юбках длинных — это ребята наряжаются женщиными, вывернут полушибки какие-нибудь там» (Там же); «Кесарины были, ходили собирали, и я ходила собирала. Вот я прихожу к вам, собираю. Если нет ничего, дают картовину варёную или сырую картовину, луковицу дают, кто стакан муки даст, кто яйцо даст. Насобираем муки, собираемся где-нибудь в доме, пекём блины» (Там же); «Кесарины были: мужчины рядились женщиной, в колготках капроновых, а у женщин ватные штаны. Медведя изображали, лошадь изображали, брали вожжи с конюшни. Мяса им давали, пирога. Они хулиганили, поленницу могут уронить, тропинку засыпали золой. Маски у них. Вот помню маску чёртага с рожками, медведя маска была. С гармошкой ходили» (Головино); «Целую неделю после Рождества кесаринами ходили, и там нас одаривали сладостями, и мясом даже. Взрослые тоже наряжались — им выпивку давали» (Федьково).

1 В черновых материалах слово оформляется собирателями фонетически — в формах *кисарины* и *кесарины*; в статье мы используем один основной вариант, приближенный к этимологическому.

Это слово могло обозначать и молодежь, совершающую святочные ритуальные бесчинства (нередко это те же ряженые): «Кесарини ходили всё по домам, ряженые в Святки ходили, вот это кесарини и есть, ходили шаргунами <бубенцами> брякать в трубу. Мать говорила: “Бабка, видно, сделала заговор, а ребята услышали — и шаргуны ей в трубу”. Кесарини рядались в тряпье какое-то старое. Тропинку от одного дома к другому делали, золу сеяли. На вред что-то делали» (Рогозино); «Кесарини бегали, просыпали от парня к девушке золой тропинку, выкладывали поленьями, ступеньки намораживали» (Власьево); «Наряжёнки были, а у нас кесарини. Заваливали крыльца, на трубу стекло положат — и весь дым домой» (Федьково).

Кесаринами назывались и ряженые на свадьбе: «Ходили на Святки кесаринами, ходили кесаринами на свадьбу» (Федьково); «Кесарини наряжаются в Святки и ешшо на свадьбу одевались. Страшных особо не было, юбки длинные они надевали, шубу наизнанку, типа медведя некоторые могли изобразить. Маленькие дети, конечно, пугались, но цели пугать у них не было — наоборот, смешное изобразить» (Там же); «Кесарини на свадьбе цыганами наряжались, гадали, денежку собирали» (Там же); «На свадьбу тоже кесарини. В мужских шапках бабы, в шубах. Сидут вместо жениха и невесты. На второй день свадьбы приходили, телушку искали <вид свадебной игровой обрядности>, с верёвкой ходили за телушкой, а её уж нет. Мелочь невесте бросали, а она метёт» (Власьево).

Кесаринами пугали непослушных детей, причем в контекстах прослеживается связь с персонажами ряженья: «Бабушка пугала: “Сейчас кесарини придут!” Всегда так пугала, когда мы спать не хотели. И потом шла переодеваться, чтобы мы подумали, что кесарини пришли: закучкается <закучается>, лицо спрячет, чтобы на себя не быть похожей, на человека не быть похожей» (Панкратово); «Ребята в девок наряжалась <на Святках>. Раньше “кесарини” называли. Ребятишки маленькие дома не спят, им говорили: “Ложись, а то кесарини придут!” Нарядятся как эти, наряжёные. Кесарин идёт, а если женщина — кесаринка» (Там же).

Термин ряжения приобрел переносную семантику и употреблялся в контекстах, не имеющих непосредственного отношения к святочным или свадебным обрядам, в значении ‘нелепо, плохо, смешно одетый человек’ с заметной отрицательной коннотацией: «Как кесарин в рваном платье шляется» (Панкратово); «Что ты нарядился как кесарин?» (Федьково); «Он пропал, пил несколько дней и пришёл наряженком: конец <мужской половой орган> из штанов видно, пьяный, жена — в обморок. Уж пришёл кесарин так кесарин!» (Там же).

Как видно по приведенным речениям, значения и их оттенки самым тесным образом связаны между собой. Вот замечательный контекст, который демонстрирует практически весь семантический спектр: «Кесариньи в Святки рядились, женщины больше, а мужчины рядились женщиной. Ватные штаны наденут, полушибок вывернут. Медведя изображали, лошадь, вожжами упрягали как-то. Ряженые в Святки ходили больше посмешишь, чтобы угощенье дали. Хулиганили и кесариньи тоже, кто-то что-то не одарит, так могут поленицу уронить, золы рассыпать. Пугали кесаринами: “кесариньи придут — тебя с собой заберут”. Детям так говорили, когда они не слушались. Маски кесариньи надевали: чёрт с рожками может быть, из бумаги они делались, из картона, зубы рисовали прямо на маске» (Федьково).

Подвергая это слово метаязыковой рефлексии, информанты маркируют его как старое и как «местное», считая даже своеобразным локальным «брендом»: «Ряженые в Святки назывались у нас кесариньи. Это слово я слышала от бабушки тысяча девятьсот третьего года рождения» (Турдиево); «Кесариньи — это наше слово, панкратовское, турдиевское. Нигде больше нету его. Вот как *турдиевский шатун* <вид браги>, сильно хмельной он» (Федьково).

Как уже говорилось, слово не отмечено в словарях и иных источниках. Единственная близкая форма, которую удалось найти, — костром. *кисаримцы* ‘черти’ (1927 г.) [СРНГ, 13, с. 226]. Эта фиксация является «глухой», она подана без каких бы то ни было дополнительных данных. Судя по всему, составители [СРНГ] имеют в виду единственный источник — работу В. И. Смирнова «Народные гадания Костромского края» [Смирнов, 1927]. В ней есть прекрасный контекст (очень досадно, что он не попал в СРНГ) и более подробная география: «Собирается нечетное число девиц, берут каток <скалку>, идут в поле на перекрестки и завораживаются <гадают>. Девица, которая хочет узнать свою судьбу, ставит всех в круг, берет каток, проводит около них круг, обходит их три раза (идет на запад) со словами: “Стоят девицы на чортовом месте, черти с ним, кисаримцы¹ с ним! Черти и кисаримцы, скажите — не утайте, скажите мою судьбу!” (три раза). Затем убегает от них сажени за три и также завораживает сама себя. Все стоят и слушают. Через несколько минут обязательно что-нибудь слышат» [Там же, с. 69, № 452]; запись сделана в Селинской волости Кологривского уезда (это на северо-востоке уезда, на территории нынешнего Межевского р-на, на границе с Вологодской областью, а ранее — с Вятской губернией).

1 В источнике слово дано без ударения; составители СРНГ, очевидно, его восстановили самостоятельно.

Эта запись крайне важна для нас и далее будет прокомментирована подробнее.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Последующее изложение покажет, что наша первоначальная догадка о происхождении слова *кесариньи* оправдывается: эта лексема в конечном счете восходит к компоненту *Кесарийский* имени св. Василия Великого, известного и как Василий Кесарийский (ок. 330—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, церковный писатель и богослов. Имя этого святого фигурирует в народной традиции не столько как собственно агионим, сколько в названии даты его почитания — дня памяти Василия Кесарийского, которая отмечена в календаре не только русских, но и всех православных славян. Нам важно «сомкнуть», свести вместе слово *кесариньи* и его производящую основу в номинативном и историко-культурном пространстве, реконструировать тот контекст, в котором произошел акт номинации. Далее это будет сделано пошагово — и как говорилось выше, надо будет пойти с двух сторон:

— выявить роль дня памяти Василия Кесарийского в народном календаре, причем сделать это через призму языковых данных — хрононима и отхрононимических дериватов, представленных в обрядовой лексике и в фольклоре;

— продемонстрировать существование темпоральной модели в номинации ряженых (разумеется, с основным вниманием к святочному ряжению), а также смысловые связи между обозначениями ряженых и нечистой силы.

3.1. День памяти Василия Кесарийского в фокусе народной хрононимии

День памяти Василия Кесарийского (1/14 января) приходится в русском календаре на время Святок. Чаще всего (и фактически повсеместно) *Святками* называется двухнедельный отрезок от Рождества до Крещения, однако в разных местных традициях мы наблюдаем вариативность, связанную с выделением границ этого периода. Так, имя *Святки* может носить интервал от Рождества только до Старого Нового года (вологод.) или от Старого Нового года до Крещения (пензен.) [РНК, с. 380]; на костромской территории мы тоже сталкиваемся с этим, ср., к примеру, контексты, записанные в Чухломском районе: «Святочная неделя считается от седьмого января до Старого Нового года» (Чухлома), «Святки с седьмого января неделью» (Кудринское). Интересно и то, что иногда внутри Святок выделяют два противопоставленных по оценке отрезка: *святые вечера* и *страшные вечера*. На костромской территории, по данным

[ЛКТЭ], *святые вечера* чаще соотносятся с отрезком от Рождества до Старого Нового года, а *страшные* — после него до Крещения. 1/14 января, таким образом, — важная веха для святочного периода, обозначающая или окончание Святок, или их середину, после которой начинается другой их отрезок.

По данным словаря «Русский народный календарь», этот день в русских локальных традициях может называться: *Василий*, *Василий Великий*, *Василий Кесаретский*, *Василий Кесарийский*, *Василий Свинятник*, *Васильев день*, *Свиной праздник*, *Старый Новый год* и нек. др. [РНК, с. 493] (последнее совпадает с современной общенародной светской практикой именования этого дня); вечер накануне — канун Нового года по старому стилю — именуется *Василий-вечер*, *Васильев вечер*, *Страшной вечер* и нек. др. [Там же]. Конечно, этот список вариантов хоть объемен, но не полон. Из иных возможных вариантов нам наиболее интересен хрононим с *н* на морфемном шве, ср. контекст «против *Васильева* дни *Кесаринского* в ночь (курсив наш. — Е. Б., В. К.)», отмеченный в деловой письменности Вологодской губернии начала XVII века [Швейковская, 2012, с. 289].

Этот день мог иметь **статус престольного праздника** деревни, ср. запись из соседнего с Чухломским района Костромской области — Антроповского: «В Матвейкове праздновался день Василия Великого, Старый Новый год *ещё*» (Антроповский р-н, Котельниково). Возможно, на костромской территории было несколько населенных пунктов с этим престольным праздником, поскольку, по статистическим сведениям на 1863 год, в Костромской епархии престолы в честь Василия Великого были установлены: в Костроме (2), Костромском уезде (2), Кинешемском уезде (1), Нерехтском уезде (2), Юрьевецком уезде (3), Буйском уезде (2), Солигаличе (1), Макарьевском уезде (4), Варнавинском уезде, а церкви свт. Василия Великого находились в Галиче (1), в Нерехтском уезде (2), Юрьевецком уезде (1), Солигаличском уезде (1), см. данные в [СОЦКЕ]. Важно отметить, что соответствующие храмы могли носить не только название *Василий Великий*, но и *Василий Кесарийский*, в том числе с вариантом *Кесаринский*, ср., к примеру, записи в документах Костромской епархии XVII—XVIII веков: «Цер. Василей Кесаринский в селе Васильевском на погосте» [МИКЕ 3, с. 78], «Цер. Василий Кесаринский в поместье Понсника Супонева в нагорной стороне» [МИКЕ, 4, с. 203]¹.

1 Такие же названия отмечены и на соседних территориях, ср. отрывок из переписной книги 1617—1618 годов, отразившей результаты переписи в Белозерске: «...На Белозере в городе церковь соборная ружная св. Василия Кесаринского да придел Никола Чудотворец...» [Скоморохи, 2007, с. 16—17].

Несмотря на то, что мы сейчас сосредоточены на выявлении темпоральной семантики имени *Василий Кесарийский* (полученной им в процессах трансонимизации), отметим, что пространственная семантика при трансонимизации тоже сильна — и это происходит за счет появления посвященных ему храмов. Ср., к примеру, контекст из ярославского памятника 70-х годов XVII века, в котором имя святого употребляется в локативном смысле: «Ивашко сказался вольной человек, пришел де от реки Шексны, от Василья Кесаринского» [ПКЛС, с. 23]¹.

3.2. Календарные обычаи в Васильев вечер: Кострома и Вологда

Обратимся к календарным обычаям, связанным с днем Василия Кесарийского, которые отмечены на значимой для нашего исследования территории — костромской и вологодской. Особенной выделенностью в календаре характеризуется именно вечер накануне *Васильева дня* — *Васильев вечер* (ср. еще костром. *Васильевский вечер*, *Васильев вечерок*, *Васильев вечер страшный*; иногда *Васильевскими* или *Святыми* называются все вечера от Рождества до Старого Нового года [ЛКТЭ; РНК, с. 68, 69]). В этот вечер гадали — он был одним из основных ворожейных святочных дней (не загромождая текст большим корпусом примеров, дадим лишь единичные для формирования общей картины); ср. костром.: «В Васильев вечер посыпали, ици на полу зёрнышко, под стол вот лазили в избе. Если найдёшь зёрнышко, значит год неголодный будет» (Вохма), «В Васильев вечер женихов выглядывали. Зеркало поставят и воду. Он в зеркале покажется» (Октябрьский р-н, Луптюг). На востоке Костромского края именно в этот вечер или начиная с этого вечера вплоть до Крещения пели подблюдные песни — или и — тоже с целью предсказать судьбу, ср.: «Собирались все в Васильевские вечера, перед Старым Новым годом. Собирались старухи, или пели. Большие скопы народу были, старухи-то на переднем ряду сидели. В блюдо клали булавочки, серёжки, кто что. Старухи пели или-то, молодёжь тянула» (Павинский р-н, Шайма), «Илию пели Святками в Васильев вечер» (Вохомский р-н, Андрианово). Встречаются свидетельства о том, что в некоторых местах колядовали не на всем протяжении Святок, а именно в этот вечер: вологод. «Колядовать ходили вечером 13 января <...> — в Васильев вечер», ср. колядку «Калядá-малядá На вечерне Васильй» (Череповецкий р-н, Остров) [ДКФ, с. 6]. Записаны рассказы о появлении именно на Васильев вечер нечистой силы, которая, по поверьям, активна в святочный период: «Шилыкуны чертей называли. Ребят маленьких бабка пугала: “Сидите тихо, сегодня шилыкуны бегают. Они таскают лошадиную шкуру и ребят, которые не

1 В силу описанных причин ожидаемы и топонимы с интересующей нас основой, ср., к примеру, ойконимы *Починок Кесаринский* в Архангельской и Вологодской губерниях.

слушают, уносят в лес”. В Васильев вечер появляются» (Вохма) [ЭКТЭ], «С Васильева вечера до Крещенья кулешменци-то бегают» (Октябрьский р-н, Луптуг). На востоке Костромской области устраивали поминальную трапезу: «В Васильев вечер поминаем. Соберёшь на стол, дверь откроешь. “Идите, покойнички, посидите”. Чашки, ложки на стол кладут. А потом провожаем, дверь открываем. Покланяешься им и всё». (Октябрьский р-н, Катушенки), «В Васильев вечер пекли пироги, поминали родителей» (Павинский р-н, Доброумово). В этот вечер было принято обильно ужинать: вологод. «Баская <вкусная> ужна — это Васильев вечер», «Богатая ужна — на Старый Новый год. <...> Говорили: “Суседко-суседко, приходи к нам ужнать, помогай нам работать!” Накладывали ему тарелку, открывали дверь в коридор» (Кичменгско-Городецкий р-н) [Золотые россыпи, с. 13], причем включать в меню запеченную свинину голову: костром. «В Васильев вечер голову свиную разбирают и едят» (Шарьинский р-н, Берзиха).

Таким образом, на той территории, где отмечены *кесариньи*, несомнена особая символическая нагруженность *Васильева дня* и *Васильева вечера* в святочном цикле.

3.3. Василий Великий (Кесарийский) в обрядовой лексике и фольклорных текстах

Свинья голова в обрядовой трапезе Шарьинского р-на, упомянутая в последнем контексте, появляется неслучайно. Вообще от рассматриваемого хрононима в русских говорах образуется несколько названий блюд, ср. архангел. *vasильевщина* ‘каша, приготовленная в день Василия Великого’, новгород., твер., вологод. (Череповецкий р-н) *vasильчик* ‘мучное изделие, приготовленное под Новый год (иногда в виде птички, коровы или барашка)’ [РНК, с. 63]: «Тетушки и дядюшки, Подайте, подайте васильчика! (просили ребятишки, бегая из избы в избу)» (твер.) [СРНГ, вып. 4, с. 66]. Однако наиболее широко распространенный кулинарный обычай, связанный с *Васильевым вечером*, — приготовление целого поросенка или его частей. Предновогодняя трапеза — важный ритуал, она должна отличаться изобилием, поскольку моделирует весь наступающий год; употребление поросенка, как считается, — акт продуцирующей магии, обеспечивающий, в частности, плодовитость скотины на будущий год, ср. записи С. В. Максимова: «Во многих селениях центральной полосы России в Васильев день принято колоть так называемых “кесаретских” поросят (Васильев день называется иначе “Кесаретским” по имени Василия Великого, архиепископа Кесарийского). <...> Перед едой старший в семье поднимает чашку с поросенком вверх до трех раз, приговаривая: “чтобы свиночки поросились, овечки ягнились, коровушки телились”» [Максимов, 2018, с. 111].

мов, 1986, с. 268—269]¹. Имя Василия Кесарийского (с соответствующими трансформациями) прослеживается в курск., орлов., тульск., воронеж. *каса́рецкий поросёнок* ‘поросенок, зарезанный и зажаренный накануне Нового года’ [СРНГ, 13, с. 115], орлов. *ломать каса́рецкого* ‘есть поросенка, которого зажаривали на Новый год в день святого Василия Кесарийского’ [СРНГ, вып. 17, с. 118]², курск. *малыть* <молить ‘колоть, резать’> *парасята* или *каса́рецких* [Журавлев, 2005, с. 389] и калуж. *васюк* ‘желудок свиньи’ [Там же], ср. также обычай называть поросенят именем *Василий*, подзывные слова для свиней *вась-вась* [Толстая, 1995, с. 291].

Помимо лексики обрядовой пищи, употребляемой в *Васильев вечер*, имя *Василия Великого* (*Кесарийского*) бытует и во многих фольклорных текстах. Приводя соответствующий материал, обратим особое внимание на костромские и вологодские данные.

▪ Хрононим *Василий* встречается в костромской святочной песне, которую поют на «Василия Великого», то есть накануне Старого Нового года: «Четырнадцатого января Василий Великий. Пели: “Ходит Илья на Василья, Носит пугу житяную. Куда ни махнёт — Там жито растёт. А в поле, поле сам плужок, А за тем плужком сам Господь ходил, Дева Мария кушать носила, Кушать носила, Бога просила: Зароди, Боже, жито... <и т. д.>» (Макарьев).

▪ Хрононим *Васильевский вечер / вечера* встречается в вологодских и костромских коротких песнях, исполнявшихся во время гадания накануне Нового года, — в рамках обычая *жировку* (*жирова*) *хоронить*, например, «Жиро́ва хороню, хороню, Ко святыму вёчеру, вечеру, Ко Васильевскуму...» [Морозов и др., 2004, с. 715—716]; на восточном вологодско-костромском пограничье такие песни назывались *илии*, ср. вологод. «Што

1 Обычай есть свинину на Васильев вечер распространен гораздо шире, чем территория бытования выражений с *кесарецким поросёнком*. Мы уже видели свидетельство из Шарьинского р-на Костромской обл.; у И. П. Сахарова встречаем: «В Костромской губ. для Васильева вечера вялят свиные ноги. Там поселяне ходят в этот вечер под окна собирать пироги и свиные ноги, приговаривая: “свинку да боровка выдай для Васильева вечерка” [Сахаров, с. 5] — этот же обряд с этим приговором фиксируется от информанта 1937 г. р. в окрестностях Нерехты [Логика трансформаций..., 2019, с. 479]. Показательны и записи Д. К. Зеленина: «В севернорусском Вельском уезде Вологодской губ. праздник бывает <...> вечером 31 декабря. Ритуальные блюда при этом — кишки, т. е. свиная колбаса с овсяной мукой, и сморчки, т. е. шкварки из свиного сала. Перед едой совершаются своеобразный магический обряд: все члены семьи берут в зубы колбасу и трижды по движению солнца обходят на четвереньках вокруг стола, приговаривая *чухриохи, чух-риох*, то есть подражают хрюканью и движениям свиней. <...> Цель этого обряда — обеспечить свиньям здоровье и плодовитость (мои записки 1921 г.)» [Зеленин, 1991, с. 92—93].

2 Об этом выражении см. специальную статью [Попова, 2023], где собраны случаи его употребления в том числе в художественной литературе.

страшныё-те вечера васильевскиё, Илия! Шо сидит воробей наперёгороде, Куда погледит, Туда полетит, Илию!....» [Там же, с. 721], костромской повторяющийся элемент *илии* «Как святые вечера да Васильевские, Илия...» [ЭКТЭ].

▪ Персонификация хрононима *Василий Кесаринский*, *Василь Кесарецкий*, *Василий Косоретский* и др. действует в святочных песнях, которые поют накануне Нового года при колядовании во время обхода домов. В тексте речь идет о трех важных датах народного календаря; например, во владимирской песне персонифицируются три ключевые даты святочного цикла — Рождество, Крещение и день памяти Василия Кесарийского: «Овсей, овсей, Шел по дорожке, Нашел железце, Сделал топорочек <...>, Срубил себе сосну, Наснастил мосточек. По этому мосту Шли три братца: Первый-то братец — Рождество Христово. Второй-то братец — Крещенье Господне. Третий-то братец — Василий Кесаринский. <...> у хозяина в дому Велись бы ребятки, Велись бы телятки...» (и т. д.) [Обрядовая поэзия, с. 68—69].

В воронежском и алтайском вариантах «тремя братцами» именуются Рождество Христово, Василий Кесарецкий (Косоретский) и Иоанн Креститель¹, см. [Календарные обряды, с. 143; РКОФС, с. 56].

▪ Учитывая возможность персонификации анализируемого хрононима, можно предложить интерпретацию темному выражению, мотивирующему запрет мести под Новый год: костром. *Дед Василий добро уведёт* (Чухломский р-н, Федоровское). Очевидно, *дед Василий* — удаленная на несколько смысловых шагов от «первоисточника» филиация образа *Василия Кесарийского*. Выбор сочетания *дед Василий* мотивирован новогодней приуроченностью запрета, — тогда «материалом» для его появления можно считать номинации типа *Дед Мороз, Мороз Васильевич* (ср. смолен. «Мороз, Мороз Васильевич, ходи кутью есть...» [Толстая, 1995, с. 291]). Для нас особо значим тот факт, что выражение *Дед Василий добро уведёт* записано в том же Чухломском р-не, где и *кесарины* (хоть и в южной его части): это говорит о былом распространении на исследуемой территории фольклора и верований, связанных с Василием Кесарийским.

Помимо святочного и новогоднего фольклора, тематически близкого исследуемому нами термину *ряженья*, отметим:

1) *Василий Великий (Кесарийский)* — персонаж популярного, широко распространенного духовного стиха о пьянстве, см. варианты, например, в [Бессонов, 1864, с. 97—119];

1 *Иоанн Креститель* (вероятно, персонификация Рождества Иоанна Предтечи) «замещает» *Крещение Господне*, по всей видимости, поскольку Иоанн Креститель совершил крещение Иисуса Христа в водах Иордана.

2) агионим *Василий Кесарийский* встречается в карельских заговорах от грыжи и «на призор», см. [РЗК, с. 71, 105].

Разумеется, этот обзор неполон, поскольку направлен на решение задач конкретной статьи, что задает преимущественное внимание к определенной территории, фольклорным жанрам и др. Но он подтверждает, что Василий Кесарийский популярен в русской народной религии, его памяти посвящены церкви, отдельные церковные престолы (далее топонимы). Соответствующий хрононим дает жизнь гнезду обрядовой лексики (главным образом, пищевой); называя важную календарную веху, хрононим проникает в календарно приуроченную обрядовую поэзию. Василий Великий известен еще и как персонаж фольклора, не имеющий / утративший связь с датой календаря. Русская традиция, разумеется, не одинока в славянском мире: аналогичные примеры можно найти в других восточнославянских языках, а также южнославянских. Приведем несколько болгарских фактов: от хрононимов *Васил*, *Василь*, *Васильов ден*, *Василица*, *Василия* ‘1 янв. по ст. ст.’, ‘Новый год’ [Младенов, 1951; Легурска, 2002, с. 8] образуются такие производные, как *vasilevo колаче* ‘новогодний каравай’ [Седакова, 1984, с. 183], *vasilova баница* ‘хлеб баница’ [Легурска, 2002, с. 8]¹, *vasileva вода* ‘вода для новогодних гаданий’ [Седакова, 1984, с. 183; Толстая, 1995, с. 291]; в сопровождающих гадания песнях фигурировала девушка *Василия*: «Излязла е Василия, медени пръстени да вади» <Вышла Василия медные колечки вытаскивать> [Толстая, 1995, с. 291] и др.

3.4. Святки и ряженье

Святочная обрядность на Костромской территории (как и во многих других зонах славянского мира) включает в себя гадания, поздравительные обходы, ритуальные бесчинства, ярмарку невест, наконец, игрища и ряженье, см. [Логика трансформаций..., 2019, с. 477—86]. Неразрывную связь Святок и ряженья в народном языковом сознании демонстрируют такие лексические факты, как владимир., вологод., нижегород., прикам. *святки* ‘ряженые’, карел. *святовáть* ‘ходить ряжеными с 25 декабря / 7 января до 6/19 января’, мордов. *святóчник* ‘ряженый с 25 декабря / 7 января до 6/19 января’ и нек. др. [РНК, с. 382], твер. *рýженки*, *рýженье* ‘время с Рождества Христова до Крещения Господня’ [Там же, с. 370], etc.

На чухломской территории, как уже говорилось, реализуется такое календарное деление, при котором Старый Новый год завершает святочный цикл с непременным ряженьем, ср.: «А уже после Рождества начинались

1 Ср. также серб., македон. *vasilića* (*vasiličica*) ‘ритуальный новогодний хлебец, даваемый детям в память об умерших предках, пастихам для скармливания скоту, реже — хлеб с запеченной монетой, который делили «на счастье» за новогодней трапезой’ [Толстая, 1995, с. 291].

Святки. На Святки козлом одевались, череп на голову надеть, обязательно тулул выворачивали наоборот, медведем тоже одевались...» (Чухлома). Святочный цикл включал в себя семь бесед (*беседок*) — вечерних посиделок молодежи: «В Святки тоже делали беседы — это неделя с Рождества до Нового года четырнадцатого января, там уж заключительная беседа. Святочные беседы — особое дело. <...> На святочные беседы надо на каждый рань разные платьица, такая мода была. А где хоть их семь штук возьмёшь!» (Ножкино); «С седьмого января ходили неделю <на беседы>... Каждый день свои наряды. В первый день надевали белое платье, седьмой день — как первый» (Носово) и др. Поэтому *Васильев вечер*, как было показано, — ключевая веха Святок практически повсеместно, включая нашу территорию. Саму возможность «экспансии» хрононима и в апеллятивную лексику, и в фольклорные тексты, в том числе тексты колядования, мы продемонстрировали. Логично думать, что хрононим, обозначающий важный рубеж внутри святочного цикла, мог лечь и в основу костромского (чухломского) термина ряженья *кесариньи*, отразив в нем временную привязку появления этих персонажей.

Эти построения подтверждаются важной **славянской параллелью**. В болгарских говорах участники обходов на *Васильов ден* назывались *vasilichari* [Младенов, 1951; Легурска, 2002, с. 8], реже отмечаются формы *vasilar*, *vasilarche*, *vasilihari* [Седакова, 1984, с. 182—183, Легурска, 2002]. Обходы с участием *vasilicharov* отмечены и в Македонии [Китеевски, 2013, с. 60—63]. Эти примеры вписываются в темпоральную модель номинации святочных ряженых, которая фиксируется у всех групп славян,ср. также польск. *wigiliorze* <*Wigilja* ‘Рождественский сочельник’ [Виноградова, 2008, с. 121].

По сути, *vasilichari* являются ближайшими родственниками *кесаринов*: номинации «делят между собой» разные части имени *Василия Кесарийского*.

3.5. Ряженье и нечистая сила

Выше мы приводили «глухую» фиксацию слова *кисаримцы* ‘черти’, имеющуюся в [СРНГ]. Она отсылает к интереснейшей работе В. И. Смирнова, этнографа и краеведа, организатора Костромского научного общества изучения местного края, заведующего Костромским государственным областным музеем с 1919 по 1928 годы. В 1927 году он опубликовал объемный труд «Народные гаданья Костромского края» [Смирнов, 1927], материал для которого записывал сам, а также использовал свидетельства респондентов и письменные источники. Среди прочего Смирнов представил описания святочных гаданий девушек на перекрестке, в процессе которых следовало очертить вокруг участниц линию, «заворожив» их, а через время «раз-

ворожить», описав круг или обежав девушек в обратном направлении. Во время «завораживания» призывали нечистую силу, которая способна была предсказать судьбу гадающих. Нас интересуют два текста о таких гаданиях, записанных в Кологривском уезде, соседнем по отношению к Чухломскому. Один из них, где при обращении к нечистой силе используется знаменательная формула *черти и кисаримцы*, мы уже цитировали. Второй текст, записанный в Вожеровской волости Кологривского уезда (ныне Нейский р-н Костромской области), аналогичен: «Обводя круг, девушка наговаривает, вернее кричит: “Васильевские черти, идите к нам”, повторяя это три раза. <...> Через несколько времени все девушки сбираются к завороженной, и та девушка, которая завораживала, теперь развораживает, <...> отгоняя чертей: “Васильевские черти, уходите от нас!”» [Там же, с. 68—69].

В своем очерке В. И. Смирнов приводит (правда, без более конкретной привязки внутри Костромского края) еще одно важное для нас свидетельство: «Известно народное верование, что в святки нечистая сила свободно расхаживает по земле и принимает самое деятельное участие в этом людском грешном деле. В святочных гаданьях особенно важную роль играют так называемые “васильчики”, названные так, по-видимому, по кануну Васильева дня» [Там же, с. 19].

Таким образом, данные В. И. Смирнова, опубликованные в 1927 году, позволяют поставить в один ряд **персонажей низшей демонологии «васильчики, васильевские черти, кисаримцы**. Эти лексические варианты явно имеют общий источник — хрононим *Василий Кесарийский*.

Кроме того, они делают более наглядным «демонологическое» звено семантики, которое в настоящее время почти разрушено в языковом сознании носителей говора: у лексемы *кесарины* прослеживается намек на «демонические» смыслы, но он весьма неявный — отмечается, что *кесаринами* пугали непослушных детей. Однако на синхронном уровне уже невозможно утверждать ни уверенное наличие этого значения, ни тем более его первичность: пугать детей можно и страшно одетыми ряжеными, неслучайно в одном из контекстов речь идет о том, что бабушка, угрожая *кесаринами*, сама шла переодеваться; современные носители говора подразумевают, как видно из контекстов, устрашение детей именно ряжеными. Благодаря записям В. И. Смирнова можно полагать наличие у локального слова *кесарины* семантического комплекса «ряженые» ↔ «сезонная нечистая сила». Это типичный комплекс, регулярно воспроизводящийся в смысловых спектрах подобных слов. Если приводить примеры, сходные с *кесаринами* по лингвогеографическим характеристикам, то это, например, слова *кулемиленцы* и *шуликуны*, которые называют и сезонных демонов, и ряженых на Святки, см. [Березович, 2017; Березович и др., 2012].

4. Заключение = Conclusions

Итак, введя в научный оборот записанное на вологодско-костромском пограничье слово *кесарыны* с основным значением ‘святочные ряженые’, мы предполагаем для него производность от хрононима (*Василий*) *Кесарийский*.

Обосновывая это решение с точки зрения формы, отметим, что производящая основа была представлена в фонетическом варианте *кесарин-*. Вообще, «темное» слово *Кесарийский* в народной речи регулярно подвергается разнообразным трансформациям, ср. в приводившихся примерах: *кесарецкий поросенок*, *Кесаретский* (*Кесарецкий*), *молить касарецкого*, *Косоретский*, *Кесаринский*. В духовном стихе о пьянице он превращается в *Василия Кесаримского* (Московская, Рязанская губ.), *Кесаринского* (Новгородская губ., Орловская губ.) [Бессонов, 1864, с. 97, 100, 109, 115]. В смоленской молитве обнаруживаем: «Святый Василий Кусаринский, Саблюди Божа свинык ваших!» [Добровольский, 1914, с. 320]. Как видно, фонетические трансформации могут определяться не только деэтилизацией, но и аттракцией к корням *кус-*, *кос-*, *рим-*. Появление варианта *Кесаринский* определяется типичным для народной речи стремлением избежать сочетания *и* с группой согласных; этот вариант весьма популярен, в том числе на интересующей нас вологодско-костромской территории¹.

Что касается содержательной стороны, то слово *кесарыны* мотивировано временем появления ряженых — в период Святок, а именно — в день Василия Кесарийского (ныне Старый Новый год), который был важной вехой святочного цикла. *Кесарыны* встают в ряд русских и славянских обозначений ряженых, реализующих темпоральную модель номинации, а также в ряды лексических единиц с обрядовой и «демонической» семантикой, образованных от хрононима *Василий Кесарийский*. Наиболее близки *кесаринам* такие лексические единицы, как *кисаримцы*, *vasильчики*, *vasильевские черти*, записанные в той же зоне и обозначающие нечистую силу, к которой обращаются в ходе святочных гаданий. Самая показательная славянская параллель — болгар., македон. *vasilichari* ‘участники Святочных обходов’. Таким образом, можно говорить о групповой реконструк-

1 В русских загадках встречается омонимичная форма *кесарин* в качестве обозначения кота [Садовников, 1876, с. 192], образованная от *кесарь* и образующая текстовую пару с *царицей-мышью*, среди других подобных, ср. комментарий А. В. Юдина: «<В загадках> “кошачье” поле составлено формами, целиком или анаграмматически включающими в себя слова *кот*, *кошка*, *куса*: *Котарей*, *Кысарей*, *Косарей*, *Косарет*, *Косарца*, *кокшар*, — давшими в результате переосмысливания *Кесарь*, *цесар-кесар* и в итоге — *царь-государь*. На эти формы наверняка повлиял фонетический облик имени весьма популярного святого, память которого празднуется на Новый год, — Василия Кесарийского» [Юдин, 2007, с. 72].

ции русских костромских диалектизмов, связанных со святочным циклом (к ним можно отнести и выражение *дед Василий добро уведет*, мотивирующее запрет мести пол под Новый год).

Назовем одну из перспектив настоящего исследования — сколь заманчивую, столь и сложную для реализации. Дело в том, что обрядность и фольклорные тексты, связанные со Старым Новым годом, имеют разную значимость в различных регионах. Специфика Поволжья в том, что в этом регионе особую распространенность имеют *таусеневые песни*, сопровождающие обходы домов; в них может упоминаться и св. Василий [Золотова, 1997, с. 25]. Кажется, далее на Русский Север эта традиция (наиболее подробно описанная в [Золотова, 1997]) затухает. Зона вологодско-костромского пограничья, где функционируют изучаемые нами факты, является переходным звеном от Русского Севера к Поволжью; есть смысл предположить, что «староновогодня» обрядность могла появиться здесь скорее с южной колонизационной волной, нежели с северной. Но это предположение требует серьезнейшей проверки.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Список сокращений

архангел. — архангельские говоры русского языка
болгар. — болгарское
владимир. — владимирские говоры русского языка
вологод. — вологодские говоры русского языка
воронеж. — воронежские говоры русского языка
карел. — говоры русского языка на территории Карелии
калуж. — калужские говоры русского языка
костром. — костромские говоры русского языка
македон. — македонское
мордов. — говоры русского языка на территории Мордовии
нижегород. — нижегородские говоры русского языка
новгород. — новгородские говоры русского языка
орлов. — орловские говоры русского языка
пензен. — пензенские говоры русского языка
польск. — польское
прикам. — прикамские говоры русского языка
серб. — сербское
твер. — тверские говоры русского языка
тульск. — тульские говоры русского языка

Источники и принятые сокращения

1. Бессонов — *Калеки* перехожие. Сборник стихов. Исследование П. Бессонова. — Москва : В тип. Лазар. инст. вост. яз., 1864. — Выпуск 6. — 328 с.
2. ДКФ — *Детский* календарный фольклор Череповецкого района Вологодской области / сост. Е. В. Савинская. — Вологда : БУК и ДПО ВО «ОНМЦК и ПК», 2012. — 40 с.
3. Добровольский В. Н. Смоленский обл. словарь / В. Н. Добровольский. — Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. — 1022 с.
4. Золотые россыпи — *Золотые россыпи* : словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВГПУ, 2014. — 304 с. — ISBN 978-5-87822-526-7.
5. Календарные обряды — *Календарные обряды* и обрядовая поэзия Воронежской области / сост. Т. Ф. Пухова, Г. П. Христова. — Воронеж : ВГУ, 2005. — 246 с. — ISBN 5-86937-001-9.
6. ЛКТЭ — *Лексическая картотека* Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
7. МИКЕ 3 — *Материалы для истории Костромской епархии*. Плесская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель 1628—1710 и 1722—1746 гг. — Москва : Типо-литография Ф. И. Филатова, 1902. — VIII, 144, VIII с.
8. МИКЕ 4 — *Материалы для истории Костромской епархии*. Костромская десятина жилых данных церквей 1628—1710 и 1722—1746 гг. — Кострома : Губернская типография, 1908. — Выпуск 4. — 276 с.
9. Младенов Ст. Български тълковен речник с оглед към народните говори / Ст. Младенов. — София : Дечо Стефанов, 1951. — Т. 1. — 1126 с.
10. Обрядовая поэзия — *Обрядовая поэзия* / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. — Москва : Современник, 1989. — 735 с.
11. ПКЛС — *Писцовая книга дворцовой Ловецкой слободы* 1674, 1675 и 1676 гг. — Ярославль : Тип. «Труд», 1917. — 74 с.
12. РЗК — *Русские заговоры* Карелии / сост. Т. С. Курец. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. — 276 с. — ISBN 5-8021-0026-5.
13. РКОФС — *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока* : Песни. Заговоры / сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 605 с.
14. РНК — Апрошенко О. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / О. В. Апрошенко, Ю. А. Кривоцапова, К. В. Оспиева. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2015. — 244 с. — ISBN 978-5-462-01385-0.
15. Садовников — *Загадки* русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. — Санкт-Петербург : Тип. Н. А. Лебедева, 1876. — 333 с.
16. Сахаров — *Сказания* русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Народный дневник. Праздники и обычай. — Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1885. — 242 с.
17. СОЦКЕ — *Статистическое описание* соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству, протоиереем Иоанном Беляевым. — Санкт-Петербург : В тип. Почтового департамента, 1863. — 274 с.
18. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965-. — Выпуск 1. — 476 с.

19. ЭКТЭ — Этнографическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

1. Березович Е. Л. Еще раз о русском диалектном демониме *кулеш* / Е. Л. Березович // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут. — Екатеринбург : Издво Уральского ун-та, 2017. — С. 26—46. — ISBN 978-5-7996-1915-2.
2. Березович Е. Л. Шуликуны / Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012. — Т. 5. — С. 583—585. — ISBN 5-7133-0703-4.
3. Виноградова Л. Н. Народная терминология, связанная с обычаем ряженья (восточно- и западнославянская традиция) / Л. Н. Виноградова // Этнолингвистика проучавања спрског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој / ур. П. Пипер, Ј. Раденковић. — Београд : САНУ, 2008. — С. 117—128. — ISBN 5-85759-110-4.
4. Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А. Ф. Журавлев ; отв. ред. С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 2005. — 1004 с. — ISBN 5-85759-318-2.
5. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин ; пер. с нем. К. Д. Цивиной, примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова, послесл. К. В. Чистова. — Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1991. — 511 с.
6. Золотова Т. А. Таусеневые песни русских Поволжья : региональное своеобразие и межэтнические связи : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Т. А. Золотова. — Йошкар-Ола, 1997. — 346 с.
7. Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре / Л. М. Ивлева. — Санкт-Петербург : Российский ин-т истории искусств, 1994. — 236 с.
8. Китеевски М. Македонски празници и празнични обичаи / М. Китеевски. — Скопје : КАМЕЛЕОН, 2013. — 407 с. — ISBN 978-608-65354-6-9.
9. Легурска П. Словарь терминов народного календаря / П. Легурска // Живая старина. — 2002. — № 1. — С. 7—8.
10. Логика трансформаций : региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / отв. ред. И. А. Морозов, И. С. Слепцова ; авт. И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. А. Самоделова, П. С. Куприянов, Е. Г. Чеснокова. — Москва : Индрик, 2019. — 992 с. — ISBN 978-5-91674-552-8.
11. Максимов С. В. Литературные путешествия / С. В. Максимов. — Москва : Современник, 1986. — 415 с.
12. Морозов И. А. Отличительные признаки локальных традиций : акции с участием ряженых / И. А. Морозов // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы : сб. науч. ст. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. — С. 37—52.
13. Морозов И. А. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX—XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. — Москва : Индрик, 2004. — 920 с. — ISBN 5-85759-295-X.
14. Попова А. Р. Происхождение и функционирование одного диалектного фразеологизма : ломать косарецкого / А. Р. Попова // Громовские чтения. Проблемы современной региональной лексикографии : к 100-летию со дня рождения А. В. Громова и

30-летию «Льняного словаря» : сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15—16 сент. 2022 г. / науч. ред. Н. С. Ганцовская, С. А. Мызников ; сост. Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова. — Кострома : КГУ, 2023. — Выпуск 4. — С. 363—368. — ISBN 978-5-8285-1259-1.

15. Седакова И. А. Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.03 / Ирина Александровна Седакова. — Москва, 1984. — 273 с.

16. Скоморохи в памятниках письменности / сост. З. И. Власова, Е. П. Фрэнсис (Гладких). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2007. — 680 с. — ISBN 9785981872327.

17. Смирнов В. И. Народные гаданья Костромского края / В. И. Смирнов // Труды Костромского Научного общества по изучению местного края. — 1927. — Выпуск XLI. — С. 17—91.

18. Толстая С. М. Василий / С. М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. — С. 291—292.

19. Черных А. В. Названия святочных ряженых в русских говорах Пермского края / А. В. Черных, И. И. Русинова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 25. — № 4. — С. 218—233. — DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.070.

20. Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире : северная деревня конца XVI — начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. — Москва : Индрик, 2012. — 368 с. — ISBN 978-5-91674-172-8.

21. Юдин А. В. Ономастикой восточнославянских загадок / А. В. Юдин. — Москва : ОГИ, 2007. — 120 с. — ISBN 978-5-94282-307-8.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2025,
одобрена после рецензирования 22.11.2025,
подготовлена к публикации 19.12.2025.*

Material resources

Bessonov is a passing cripple. A collection of poems. P. Bessonov's research, 6. (1864). Moscow: In the type. The infirmary. inst. East. yaz. 328 p. (In Russ.).

Calendar rituals — Calendar rituals and ritual poetry of the Voronezh region. (2005). Voronezh: VSU. 246 p. ISBN 5-86937-001-9. (In Russ.).

DKF — Children's calendar folklore of the Cherepovets district of the Vologda region. (2012). Vologda: BUK and DPO IN "ONMC and PC". 40 p. (In Russ.).

Dobrovolsky, V. N. (1914). Smolensk regional dictionary. Smolensk: P. A. Silina Publishing House. 1022 p. (In Russ.).

EKTE — Ethnographic cardfile of the UrFU Toponymic Expedition (stored at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of UrFU, Yekaterinburg). (In Russ.).

Golden placers — Zorin, L. Y. (ed.). (2014). Golden placers: a dictionary of stable turns of speech in Vologda folk dialects. Vologda: VGPU. 304 p. ISBN 978-5-87822-526-7. (In Russ.).

LCTE — Lexical index of the UrFU Toponymic Expedition (stored at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication UrFU, Yekaterinburg). (In Russ.).

- MIKE3 — *Materials for the history of the Kostroma Diocese. Plesskaya tithe of residential data of churches and empty church lands 1628—1710 and 1722—1746*. (1902). Moscow: Typograph of F. I. Filatov. VIII, 144, VIII p. (In Russ.).
- MIKE4 — *Materials for the history of the Kostroma Diocese. Kostroma tithe of residential data of churches 1628—1710 and 1722—1746*, 4. (1908). Kostroma: Provincial Printing House. 276 p. (In Russ.).
- Mladenov, St. (1951). *Bulgarsky tilkoven rechnik with a look at the people speak*, 1. Sofia: Decho Stefanov. 1126 p. (In Russ.).
- PKLS — *The scribe's book of the palace Lovetskaya sloboda of 1674, 1675 and 1676*. (1917). Yaroslavl: Typ. Trud. 74 p. (In Russ.).
- Ritual poetry — *Ritual poetry*. (1989). Moscow: Sovremennik Publ. 735 p. (In Russ.).
- RKOFS — *Russian calendar and ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs. Conspiracies*. (1997). Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 605 p. (In Russ.).
- RNK — Atroshenko, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., Ospiova, K. V. (2015). *Russian folk calendar. Ethnolinguistic dictionary*. Moscow: AST-PRESS. 244 p. ISBN 978-5-462-01385-0. (In Russ.).
- RZK — *Russian conspiracies of Karelia*. (2000). Petrozavodsk: Publishing House of Petrozavodsk State University. 276 p. ISBN 5-8021-0026-5. (In Russ.).
- Sadovnikov — *Riddles of the Russian people. Collection of riddles, questions, parables and tasks*. (1876). St. Petersburg: N. A. Lebedev Publishing House. 333 p. (In Russ.).
- Sakharov — *The tales of the Russian people, collected by I. P. Sakharov. People's diary. Holidays and customs*. St. Petersburg: Edition of A. S. Suvorin. 242 p. (In Russ.).
- SOTSKE — *Is a statistical description of the cathedrals and churches of the Kostroma diocese, compiled on the basis of authentic information available on the ecclesiastical department by Archpriest John Belyaev*. Saint Petersburg: In type. Post Department. 274 p. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects*, 1. (1965). Moscow; Leningrad: Nauka Publ. 476 p. (In Russ.).

References

- Berezovich, E. L. (2017). Once again about the Russian dialect demonym kulesh. In: *In the constellation of words and names: collection of scientific articles on the anniversary of M. E. Root*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 26—46. ISBN 978-5-7996-1915-2. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Vinogradova, L. N. (2012). Shulikuny. In: *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*, 5. Moscow: International Relations. 583—585. ISBN 5-7133-0703-4. (In Russ.).
- Buffoons in the monuments of writing*. (2007). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 680 p. ISBN 9785981872327. (In Russ.).
- Chernykh, A. V., Rusinova, I. I. (2023). Names of Holy mummers in Russian dialects of the Perm Region. *Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities*, 25 (4): 218—233. DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.070. (In Russ.).
- Ivleva, L. M. (1994). *Mummery in Russian traditional culture*. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. 236 p. (In Russ.).
- Kitevski, M. (2013). *Makedonski praznici and praznici obicai*. Skopje: KAMELEON. 407 p. ISBN 978-608-65354-6-9. (In Maked.).

- Legurska, P. (2002). Dictionary of terms of the national calendar. *Living Antiquity*, 1: 7—8. (In Russ.).
- Maksimov, S. V. (1986). *Literary travels*. Moscow: Sovremennik Publ. 415 p. (In Russ.).
- Morozov, I. A. (2015). Distinctive features of local traditions: actions with the participation of mummers. In: *Regional studies in folklore and ethnolinguistics — problems and prospects: collection of scientific articles*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 37—52. (In Russ.).
- Morozov, I. A., Sleptsova, I. S. (2004). *Circle of the game. Holiday and game in the life of the North Russian peasant (XIX—XX centuries)*. Moscow: Indrik. 920 p. ISBN 5-85759-295—X. (In Russ.).
- Morozov, I. A., Sleptsova, I. S. (eds.). (2019). *Logic of transformations: regional and local specifics of cultural and linguistic processes*. Moscow: Indrik. 992 p. ISBN 978-5-91674-552-8. (In Russ.).
- Popova, A. R. (2023). The origin and functioning of one dialectal phraseology: to break Kosaretsky. In: *Gromov readings. Problems of modern regional lexicography: on the 100th anniversary of the birth of A. V. Gromov and the 30th anniversary of the "Linen Dictionary": collection of materials and research. International Scientific Conference Kostroma, September 15—16, 2022*, 4. Kostroma: KSU. 363—368. ISBN 978-5-8285-1259-1. (In Russ.).
- Sedakova, I. A. (1984). *Vocabulary and symbolism of the Christmas and New Year rituals of the Bulgarians*. PhD Diss. Moscow. 273 p. (In Russ.).
- Shveykovskaya, E. N. (2012). *The Russian peasant in the house and the world: the northern village of the end of the XVI — beginning of the XVIII century*. Moscow: Indrik. 368 p. ISBN 978-5-91674-172-8. (In Russ.).
- Smirnov, V. I. (1927). Folk divination of the Kostroma region. In: *Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the local region, XLI*: 17—91. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (1995). Vasily. In: *Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary in 5 volumes*, 1. Moscow: International Relations. 291—292. (In Russ.).
- Vinogradova, L. N. (2008). Folk terminology related to the custom of mummery (East and West Slavic tradition). In: *Etnolinguisticka prouchava srpskog and other Slovene grammar: the words of academician Svetlana Tolstoj*. Beograd: SANU. 117—128. ISBN 5-85759-110-4. (In Russ.).
- Yudin, A. V. (2007). *Onomastics of East Slavic riddles*. Moscow: OGI. 120 p. ISBN 978-5-94282-307-8. (In Russ.).
- Zelenin, D. K. (1991). *East Slavic ethnography*. Moscow: Nauka; Main Editorial Office of Oriental Literature. 511 p. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. F. (2005). *Language and myth. Linguistic commentary on the work of A. N. Afanasyev "Poetic views of the Slavs on nature"*. Moscow: Indrik. 1004 p. ISBN 5-85759-318-2. (In Russ.).
- Zolotova, T. A. (1997). *Tausenevye songs of the Russians of the Volga region: regional originality and interethnic relations*. Doct. Diss. Yoshkar-Ola. 346 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.09.2025;
approved after reviewing 22.11.2025;
accepted for publication 19.12.2025.*